

Книжная полка

УДК 94(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-134-141

Старые аксиомы и новые теоремы российской истории: О новой книге М.А. Давыдова «Теорема Столыпина» (СПб.: Алетейя, 2022. 838 с.)

Кирилл А. Соловьев

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия;
Институт российской истории РАН, Москва, Россия;
kirillsol22@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена тем проблемам, которые были поставлены в новейшей монографии М.А. Давыдова «Теорема Столыпина». В этой книге предложен совершенно особый, новаторский взгляд на социально-экономические процессы в России XIX столетия. Обычно в центре внимания авторов – политические, социальные, финансовые институты, правительственная политика, мировая конъюнктура. У М.А. Давыдова совершенно особая исследовательская «оптика». Он анализирует модернизационные процессы в России XIX–XX вв. в контексте общественной мысли того времени, категориального аппарата отечественных интеллектуалов. Это позволяет автору представить незримый коридор возможностей, в котором действовало правительство вплоть до Первой русской революции. Традиционалистский стиль мышления, разделяемый сторонниками самых разных взглядов, был важнейшим препятствием динамичного экономического развития. Это обстоятельство оттеняет значение столыпинских преобразований, которые стали не продолжением прежнего курса, а прямым разрывом с ним. Представленная автором концепция, наконец, позволяет связать в единое целое интеллектуальный, политический, экономический процессы в России накануне великих потрясений начала XX в.

Ключевые слова: реформы, П.А. Столыпин, модернизация, историография

Для цитирования: Соловьев К.А. Старые аксиомы и новые теоремы российской истории. О новой книге М.А. Давыдова «Теорема Столыпина» (СПб.: Алетейя, 2022. 838 с.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 2. С. 134–141. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-134-141

© Соловьев К.А., 2022

Old axioms and new theorems of Russian history.
On the new book by M.A. Davydov “Teorema Stolypina”
(SPb.: Aleteiya, 2022. 838 p.)

Kirill A. Solov'ev

*National Research University “Higher School
of Economics”, Moscow, Russia;*

*Russian Academy of Sciences Institute of Russian History,
Moscow, Russia; kirillsol22@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the issues that were posed in the latest monograph by M.A. Davydov “Teorema Stolypina”. The book offers a very special, innovative view of the socio-economic processes in Russia in the 19th century. Usually, the authors focus on political, social, financial institutions, government policy and global conjuncture. M.A. Davydov has a very special research “optics”. He analyzes the modernization processes in Russia in the 19th-20th centuries in the context of social thought of that time, the categorical apparatus of Russian intellectuals. It allows the author to imagine an invisible passageway of possibilities in which the government operated until the First Russian Revolution. The traditionalist style of thinking, shared by supporters of various views, was the most important obstacle to dynamic economic development. That circumstance emphasizes the importance of Stolypin’s reforms, which were not a continuation of the previous course, but a direct break with it. The concept presented by the author finally makes it possible to tie together the intellectual, political, and economic processes in Russia on the eve of the great upheavals of the early 20th century.

Keywords: reforms, P.A. Stolypin, modernization, historiography

For citation: Solov'ev, K.A. (2022), “Old axioms and new theorems of Russian history. On the new book by M.A. Davydov ‘Teorema Stolypina’ (SPb.: Aleteiya, 2022. 838 p.)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 134–141, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-134-141

После гибели П.А. Столыпина прошло чуть более ста лет. Со дня его рождения – 160. Срок достаточно большой, чтобы героя и его свершения забыть, превратить их в сказку или безнадежно мифифицировать. Этого не произошло. Столыпин и сейчас остается противоречивым, не во всем понятным, а значит, живым. По этой причине выходят книги, посвященные деятельности премьера столетней давности, с интригующим названием: «Теорема Столыпина».

Это новая книга Михаила Абрамовича Давыдова – ведущего специалиста по аграрной (и не только) истории России второй половины XIX – начала XX столетия. Сочетание этих двух имен – Столыпина и Давыдова – может дезориентировать читателя. Монография – не об аграрной реформе Столыпина и даже не о Столыпине. Более того, экономические сюжеты, обычно столь важные для автора, в данном случае скорее вспомогательные. Это книга о мечтах, фантазиях, интеллектуальном поиске и, как обычно бывает, о разочарованиях.

Деятнадцатый век стал временем складывания современного общественно-политического языка. Тогда, после Французской революции, из обломков «Старого порядка» рождался тот категориальный ряд, который в известной мере остается актуальным и до сих пор. За последние два века мир заметно изменился, продолжает меняться и сейчас. Однако привычные слова остались прежними. Мы продолжаем ими пользоваться, не задумываясь, в какой мере живы явления, которые за ними стоят. Как раз по этой причине можно с уверенностью утверждать, что долгий девятнадцатый век еще не подошел к своему концу. Эпоха, начавшаяся еще во времена Французской революции, не закончилась.

Эта ситуация едва ли нормальная. Речь идет о словарной архаике, которые создает ложные ориентиры и ценности. Наш современник как будто бы живет в старой энциклопедии – с пожелтевшими, ветхими страницами. Сто, двести лет назад ситуация в корне отличалась. Тогда этот словарь только собирался в одну книгу. Европейцу приходилось разбираться с такими понятиями, как «нация», «национализм», «абсолютизм», «феодализм», «либерализм» и др. Этот процесс охватил всю Европу, и Россию в том числе.

Тогда речь шла не об игре в слова, а об описании континента, складывавшегося во что-то новое после Французской революции. Перевернувшийся, во многом хаотичный мир нуждался в упорядочивании. При таких обстоятельствах написание большого словаря становилось актуальнейшей задачей. В России эта проблема была затруднена тем, что просвещенческая повестка XVIII в. не была в полной мере исчерпана. Власть и общественность приступали к задачам XIX столетия, во многом не решив предыдущие. В итоге становящееся гражданское общество разворачивалось в пространстве гоголевского города N. Его обитатели были весьма далеки от идеалов гражданственности. Всеми почитаемый народ преимущественно составляли ревизские души, живые и мертвые, в значительной своей части служившие объектом купли-обмена.

Вполне реально существовавшая вселенная гоголевской поэмы имела свои законы развития. Она была бесконечна далека от просве-

ценных столиц – в силу пресловутого бездорожья и, что, пожалуй, еще важнее, пропасти, отделявшей университетского законника от помещика-практика. Это была Россия вне времени и пространства. Она себя ни с кем не сравнивала и ничем не интересовалась. Она следовала своему ритму, который не должен был меняться. В этом обществе слабо чувствовалась административная механика государства. Но был страх, что та неожиданно выскочит, как чертик из табакерки. Государства практически не было, но его обоснованно боялись. Зато была сила привычки, инерция, бытовой уклад, который казался естественным и неизменным. Такая Россия, разбивавшаяся на много маленьких мирков, помещичьих владений, плохо управляемых городков, с трудом подлежала хоть какому-то рациональному описанию. Его подменяли мифологические картины, строившиеся на сугубо сказочных основаниях. Многие для этого сделали славянофилы, которые придумали свою историю страны, придумали особую общину, человека, ее населявшего, наделили его определенными свойствами и желаниями. Этому цельному образу нечего было противопоставить. Он был внутренне непротиворечив. Он льстил читателю, доказывая ему, насколько удивительно прошлое России и насколько поразительно ее будущее.

Романтический идеал, получивший более или менее очерченные формы в фантазиях семейства Аксаковых, был органически связан с немецкой классической философией, был сугубо европейским по своему происхождению и при этом был нарочито антизападным. Он категорически отрицал конституционализм и капитализм – все то, о чем любили писать журналисты середины XIX в. Критика парламентаризма не была во всем последовательной (а в некоторых случаях и искренней). В русский кафтан XVII столетия зачастую пряталась мысль об ограничении самодержавия. Неприятие же капитализма было определенным и безусловным.

В этом не было экономического расчета, а скорее эмоция традиционалиста, желавшего уберечь свой привычный мир от западных бурь истории. Подспудно было и другое неявное чувство, помещичье, – сохранить уклад жизни, где крестьянин – это всегда крестьянин, а барин – это барин, где все на воскресной службе стоят в церкви, а служат одному царю. В этом мире все роли заранее расписаны. О крестьянах положено заботиться, всячески им покровительствовать. Не вызывает сомнений, что они нуждаются в такой опеке. Это как раз то, что М.А. Давыдов относит к «социальному расизму».

Тут притаилась хорошо закамуфлированная полицейская идея. Российская общественность сугубо из гуманистических сообра-

жений хотела намертво привязать крестьянина к общине, навеки лишить его поземельной собственности и, главное, какой-либо свободы воли. Причем этого взгляда придерживались почти все – публицисты слева и справа. Конечно, были редкие и поразительные исключения: например, Б.Н. Чичерин. Он стоял как скала наперекор ветрам эпохи. Требовалась недюжинная смелость, чтобы пойти против течения. Критикуемые им социалисты и консерваторы говорили прямо противоположные вещи, рассуждая о власти и государстве. В то же самое время они практически во всем соглашались друг с другом, когда речь заходила о капитализме.

Их антикапитализм – прямое следствие традиционализма российской общественности. Это лучшее свидетельство того, насколько оно держалось за прошлое и боялось будущего. Проблема в том, что общественность – это вся «мыслящая Россия», в том числе и высокопоставленная бюрократия. Она разделяла те же комплексы, стереотипные представления, что и оппонировавшие ей земцы или университетские профессора. Это было важное обстоятельство, определявшее характер правительственной политики и в годы Великих реформ, и в последовавший период. В ее основу был неизменно положен уже упомянутый полицейский принцип, который предопределял и цели, и средства.

Столыпинские реформы тем и поразительны, что они не вытекали из традиции, а прямо противоречили ей. В сущности, это был первый опыт продуманных системных преобразований в России, в основу которых был положен принцип свободы личности, обеспеченной разнообразными правами. Книга М.А. Давыдова как раз о долгом пути России XIX – начала XX в. по пути раскрепощения человека. Эта привычная для историографии формулировка скорее мешает разглядеть проблему. Она создает иллюзию поступательного движения, которого в действительности не было. Были скромные шажки и стремительный бег назад. Перед русским обществом стояла непростая задача – разглядеть в крестьянине человека. Это мало кому давалось. Высокопоставленным чиновникам, славянофильским публицистам, оппозиционерам народнического направления было проще говорить о народе, скрепленном в мифологическое единство и нуждавшемся в государственном социализме.

Неслучайно радикальное обновление страны началось с Первой русской революции. Потребовалась драматического масштаба встряска, чтобы правительство сменило алгоритм поведения, впервые взявшись за немыслимые прежде преобразования, которые отнюдь не сводились к аграрной реформе. Возможно, автору следовало бы поставить вопрос, что революция приве-

ла в правительство и совсем новых людей, среди которых был П.А. Столыпин. Это был человек без юридического образования, без стандартной бюрократической карьеры, без всех тех навыков и привычек, которые отличали столичного чиновника. Его возвышение было невозможно до 1905 г. и становилось неизбежностью при смене правительственного курса.

Разумеется, не все задуманное тогда было сделано. Однако сделанного хватило, чтобы придать импульс обществу, экономике, миллионам семей в стране. М.А. Давыдову удалось показать, как стремительно как будто бы инертная крестьянская масса вовлекалась в активную хозяйственную деятельность. Она не просто пользовалась результатами реформ, она соучаствовала в одном большом деле. Свидетельств тому много, и они приводятся автором. Это неуклонный рост кооперативного движения, многочисленные сберегательные книжки, активность сельскохозяйственных обществ, участие в землеустройстве, переселении, мобилизации земли. Это математическое обоснование того впечатления, которым делились современники самых разных, порой противоположных взглядов. Философ Ф.А. Степун так будет описывать преобразование второй столицы между двумя революциями:

Москва росла и отстраивалась с чрезвычайной быстротой. Булыжные мостовые главных улиц заменялись где торцом, где асфальтом, улучшалось освещение. Фонарщиков с лестницею через плечо и с круглою щеткой для протирания ламповых стекол за пазухой я по возвращении в Москву уже не застал. Когда керосиновые фонари уступили место газовым, я так же не могу сказать, как и того, с какого года газовое освещение стало заменяться электрическим. Помню только, что молочно-лиловые электрические шары, горевшие поначалу лишь в Петровских линиях, на Тверской и Красной площади, стали постепенно появляться и на более скромных улицах городского центра. Ширилась и разветвлялась трамвайная сеть. Уходили в прошлое милые конки с пристегом где одной лошаденки, а где, как например на Трубной площади или под Швивую горкою, и двух уносов. Становились преданием парные разлатые линейки, что в мои школьные годы ходили в Петровский парк и Останкино, может быть, и на другие окраины – не знаю.

В деревне же изменения происходили еще стремительнее:

В Московской губернии шло быстрое перераспределение земли между помещиками и крестьянством... Подмосковные помещики беднели и разорялись с невероятной быстротой; умные же и работо-

способные крестьяне, даже не выходя на отруб, быстро шли в гору, смекалисто сочетая сельское хозяйство со всяческим промыслом... Большой новый дом под железной крышей, две, а то и три хорошие лошади, две – три коровы – становились нередкостью... [Степун 1956, с. 198–199].

В пригородных кварталах городов теперь не нужно было ходить с собственным фонарем – туда пришло электричество. Появившимся в провинции автомобилям приходилось делить дороги с пасущимся скотом. В украинских деревнях дома все чаще стали покрывать черепицей, а в русских – железом [Степун 1956, с. 201]. Те же тенденции фиксировал публицист, социал-демократ меньшевистского толка по своей партийной принадлежности Н. Валентинов: «Вырастал новый быт, новый тип рабочего, новый тип крестьянина, новый тип интеллигенции»¹.

Фигура Столыпина знаменует начавшуюся и не случившуюся эпоху, начало, которое стало концом, последний шанс империи. Но это отнюдь не единственный и, может быть, даже не главный герой книги. Автор представил протяженную галерею, в которой выделяется датчанин А.А. Кофод, ставший российским землеустроителем, активным проводником столыпинских преобразований, Б.Н. Чичерин – несомненный титан русской мысли, имевший смелость идти против течения, историк и, что в данном случае важнее, яркий публицист Н.М. Карамзин, П.Д. Киселев, чьи реформы по несправедливости подзабыты в историографии, любимый автором общественный деятель и предприниматель А.Н. Польш и нелюбимый М.А. Давыдовым, но от этого не менее яркий А.И. Герцен и многие другие. Эта книга – долгий плод творческих раздумий и, что особенно подкупает, личных переживаний автора. У данной работы – все признаки серьезной, фундаментальной научной монографии, но есть еще то, что делает ее по-настоящему большой книгой. М.А. Давыдов не боится симпатий и антипатий, эмоционального переживания прошлого, порой резких оценок, отсылок к своему собственному опыту. Такую книгу интересно читать. С ней не обязательно во всем соглашаться. Можно и спорить, так как этот текст о настоящем, который еще не стало прошлым, о теореме, которую уже доказали, но пока в полном объеме еще не применили.

¹ Цит. по: *Розенталь И.С.* Н. Валентинов и другие. XX век глазами современников. М.: Новый хронограф, 2015. С. 94.

Литература

Степун 1956 – *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. Т. 1. Нью-Йорк, 1956. 398 с.

References

Stepun, F.A. (1956), *Byvshee i nesbyvsheesya* [The fulfilled and unfulfilled], vol. 1, New York, USA.

Информация об авторе

Кирилл А. Соловьев, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 10100, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20;

главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, Москва, Россия; 117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19; kirillsol22@yandex.ru

Information about the author

Kirill A. Solov'ev, Dr. of Sci. (History), professor, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia; bld. 20, Myasnitskaya Street, Moscow, Russia, 101000;

senior researcher, Russian Academy of Sciences Institute of Russian History, Moscow, Russia; bld. 19, Dmitriya Ul'yanova Street, Moscow, Russia, 117292; kirillsol22@yandex.ru